

УДК 81'42
ББК 81.0

А. Йопек-Босяцка

**ПРАВОВАЯ РЕЧЬ
(ДИСКУРС)
В СОВРЕМЕННЫХ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Исследуется проблема специфики юридического значения и интерпретации юридических текстов. Обрисовываются в общих чертах два главных методологических подхода: интерпретационный и аналитический. Дискурсивный подход к юридическим исследованиям рассматривает право как социальный дискурс, понимаемый в терминах диалога между юристами, правовыми институтами и адресатами права, а также разными кодами и контекстами права.

Ключевые слова: *правовой/юридический дискурс, юриспруденция/теория права, юридическое значение, интерпретация.*

Анна Йопек-Босяцка – канд. гуманитарных наук, юрисконсульт Института прикладной лингвистики Варшавского университета, Польша

Введение

Право, по крайней мере, позитивное право, не может существовать без языка. Юридическая коммуникация, профессия юриста и само право формируются из того, что мы называем юридической речью. Право и язык традиционно рассматривались как две самостоятельные сферы и изучались с двух научных точек зрения: юридической и лингвистической. Однако право отличается высокой словесной активностью. В результате и теория права, и юридическая практика всегда в большой степени зависели от инструментов логико-лингвистических исследований.

Традиционная юриспруденция отстаивала позитивистский взгляд, согласно которому право представляет собой внутренне определенную «систему» умозрительных значений, а в его основе лежит специальный язык, недвусмысленный в процессе его применения. Практикующие юристы и теоретики вместо того, чтобы изучать фактическое развитие юридической лингвистической практики, отстаивали формалистические (дедуктивные) модели судебного решения (искового заявления), в которых язык есть система знаков, ограниченных определенными правилами. Такое подчиненное правилам определение юридического значения, впервые сформулированное Г. Кельзенем и с незначительными уточнениями поддержанное Г. Хартом, рассматривалось как отличительная особенность правового языка в юриспруденции.

Возможность исследования права в терминах определенной стратификации или «регистра» фактически существующей языковой системы, а также анализа юридических текстов в исторически установленных терминах согласно определенным критериям последовательно исключалась из диапазона юридических исследований. Несмотря на общий социальный опыт правового регулирования как глубоко чуждого лингвистической практике¹, отсутствовало признание специфического и отличительного характера права как особого социального института, т.е. института, социолингвистически определенного в терминах языковой общности и обычая.

Понятие юридической речи (дискурса)

Сторонники теории права как социальной коммуникации² полагают, что правовые нормы создаются в процессе речи, т.е. диалога (лат. *discursus*), в котором участвуют следующие акторы: официальный автор нормативного текста (например, Парламент), те, кто применяют право (судьи, адвокаты, чиновники), те, к кому применяются нормы права (например, граждане, юридические лица), ученые-юристы, политические деятели и т.д. [Chauvin, Stawicki. Winczorek, p. 16]. Все те, кто участвует в юридическом диалоге, должны достичь единообразного понимания содержания права, которое определяется главным образом контекстом дискурса, а отчасти и представлениями акторов об этике, политике, религии и экономике. Они как представители общества принадлежат коммуникативному сообществу, стремящемуся построить внутренние отношения, основанные на соглашениях. Соглашение обусловлено универсально принятыми общими социальными нормами. Следовательно, коммуникативная теория права подразумевает, что «дискурс» связан с «демократией» и «справедливостью», это проявляется в том, что демократическая воля общества свободно формируется и выражается через речь (дискурс) [Ibid., p. 230].

Вышеупомянутое понимание соответствует попыткам ученых-юристов определить юридическую речь посредством перечисления областей юридической аргументации. Такие области включают в себя законодательный процесс, соглашения публичного права (международные, трудовые коллективные договоры), применение права, создание и толкование права (юридическая догматика, теория и философия права и юридическое консультирование) [Grabowski, p. 25–26].

Дискурсивный характер юридического рассуждения и интерпретации

Наряду с принятием и применением права имеются и другие сферы юридического дискурса, такие как юридическое рассуждение и юридическая интерпретация. Современные теории аргументации (например, Хаима Перельмана, Теодора Вьевжа и Роберта Алекси), в отличие от риторических теорий и теорий, ориентированных на логику, подчерки-

вают дискурсивный характер юридического рассуждения прежде всего в судебной практике.

В интерпретации юридических текстов важно, чтобы текст был понят интерпретатором. Процесс интерпретации права, как считается, рационален, а выбор, сделанный интерпретатором, – справедливый. Крайне важным для описания юридического дискурса является вопрос о том, обнаруживается ли значение дискурса в тексте или пользователи языка конструируют его в процессе интерпретации текста.

Т.С. Элиот однажды сказал, что интерпретация текста читателем может отличаться большей точностью от интерпретации автором³ [Eliot, p. 22]. В отличие от литературной интерпретации интерпретация юридических текстов базируется на одном правиле, согласно которому имеется лишь одно верное значение текста [Sarkowicz, p. 91]. Противоположное понимание лишило бы суд или административный орган возможности принимать любое решение или приговор. Конечно, такое идеальное понимание юридического значения не исключает частые проблемы с декодированием правовых текстов, поскольку единственное значение, воплощенное в тексте, не будет одинаково пониматься разными адресатами.

Юридический дискурс характеризуется определенностью, а не многозначностью. По словам Х.Л.А. Харта, «если мы должны общаться друг с другом вообще и если, как в самой элементарной форме права, мы должны выразить наши намерения о том, что определенный тип поведения должен регулироваться правилами, тогда у используемых нами общих слов должен быть некий стандарт, исключающий двусмысленность» [Hart, p. 612].

Концепция системного определения юридических ключевых слов была отличительной чертой юридического языка, хотя недавние открытия в лингвистике – особенно в сфере социолингвистики и прагматики – доказывают, что анализ языка права должен принять во внимание его социокультурное развитие. Каждая правовая система имеет свои собственные юридические реалии и, таким образом, свою собственную концептуальную систему и даже структуру знаний [Vanderlinden, p. 328–337].

Конструкция юридического текста, кажется, налагает определенные ограничения на его интерпретацию. Значение текста в меньшей степени зависит от параметров коммуникации и в большей – от общепризнанных юридическими науками принципов интерпретации. Интерпретация юридических текстов как фрагментов речи, формулирующих определенный набор правовых норм, позволяет предположить, что эти тексты представляют собой рациональный результат человеческой деятельности («законодателя»). Законодатель рационален; в своих действиях он последовательно обращается к систематизированному знанию и следует за устоявшимся мнением. Создавая юридические правила, законодатель стремится устанавливать систему правовых норм, которые

требуют от своих адресатов такое поведение, которое позволит достичь цели законодательного акта.

Интерпретация закона, однако, оказывается не простым процессом. Уровень интерпретации может варьироваться в зависимости от потребностей и способностей читателя, от уровней взаимоотношения между автором и читателем и их культурной восприимчивости. Выбор аргументационной стратегии зависит от адресата и цели коммуникации.

Право всегда является объектом интерпретации; значение слов никогда не является предустановленным [Joseph, p. 14]. Главная особенность юридической науки заключается в том, что ее объект (справедливость или несправедливость человеческих поведенческих актов) конституируется преимущественно посредством языка [Engberg, p. 31]. К исследованию юридического дискурса нужно подходить с междисциплинарной точки зрения, поскольку главный объект лингвистики – язык – является центральным инструментом юридической науки. Более того, обе науки тщательно исследуют значение слов и текстов. Базовая схема юридической интерпретации или юридической герменевтики должна быть построена на основе лингвистической интерпретации.

Различные методы интерпретации были развиты с целью описания источников, которые интерпретатор может использовать для установления значения текста (формулировки текста, цели создания текста, намерения автора, структуры других текстов, частью которых является интерпретируемый текст, и т.д.)⁴. Нужно также отметить, что методы интерпретации различаются в зависимости от типов юридических текстов⁵.

Чтобы проанализировать юридическую интерпретацию, мы должны ответить на фундаментальный вопрос: на чем основывается процесс интерпретации? В первую очередь мы должны решить, какой из двух основных методологических подходов следует положить в основу интерпретации юридического текста: аналитический или интерпретационный. В настоящей статье не ставится целью рассмотрение видов каждого подхода, поскольку это было уже сделано в литературе. Мы только кратко обрисовываем в общих чертах каждый подход, выделяя те особенности, которые могли бы быть полезными для исследования вопроса об интерпретации юридического текста.

В интерпретационном подходе А. Арнио [Arnio] вслед за Г. Раднитцким выделяет два направления: (а) историческое, разработанное Фридрихом Шлайермахером и позднее Вильгельмом Дилтеем, и (б) экзистенциальное, созданное Мартином Хайдеггером и теперь представленное Гансом-Георгом Гадамером. Другими учеными, придерживающимися интерпретационного подхода, являются, например, Е. Бетти, М. Зирк-Садовский, А. Арнио. Общие характеристики существующих интерпретационных теорий сводятся к признанию понимания как центральной философской категории (понимание характеризуется через категории цикличности и историчности), к концентрации на тщательном анализе понятия «предварительное понимание» и к восприятию процесса интерпретации как специфического диалога в пределах сообщества [Zirk-Sadowski, p. 194].

Аналитический подход также отличается разнообразием точек зрения⁶. Аналитические теории интерпретации характеризуются такими особенностями, как сосредоточение на анализе неформальных отношений между понятиями, интерес к метафилософским и лингвистическим проблемам, и, наконец, поиск аналитического метода анализа, основанного на лингвистике и способного решить метафизические проблемы [Sarkowicz, p. 9].

До интерпретации права нет, утверждает Артур Кауфман [Kaufmann, p. 122]. Проблема интерпретации в праве остается базовой в юридической науке [Kevelson, p. 8]. Особенно полезными предстают концепции юридической интерпретации. Наиболее распространенной является интерпретация *sensu largo*, которая, согласно Дж. Врублевскому [Wróblewski, p. 394], означает декодирование текста, т.е. интерпретацию, близкую к лингвистической (семантической и синтаксической), которая в свою очередь является отправной точкой для других типов интерпретации (функциональной, исторической, системной, и т.д.). Лингвистическая интерпретация нацелена на определение значения правовой нормы или юридического положения.

Юридическая интерпретация, определенная как лингвистическое (семантическое) толкование, однако, не достаточна для правовой методологии, как отмечает Иржи Стелмах [Stelmach, p. 16–17]. Юридическая интерпретация, по мнению Стелмаха, представляет собой сложный процесс, затрагивающий не только толкование юридического текста, но также и применение правил аргументации, эмпирического рассуждения, герменевтики (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Н.-Г. Гадамер) и т.д.

Независимо от метода интерпретации и типа юридического текста, в каждом случае требуется применение норм права. В нормативном толковании⁷ интерпретация и обращение к нормам рассматриваются как единый акт, в котором интерпретация – лишь одно из средств достижения применения права⁸.

Выводы

Дискурсивный подход к юридическим исследованиям рассматривает право как социальную речь, понимаемую как полилог, участниками которого являются юристы, правовые институты и адресаты права [Goodrich, p. 7]. Основные направления современных аргументационных теорий лингвистики текста и дискурсивного анализа привели к переосмыслению традиционных понятий «письменный язык права» и «разговорная правовая речь» (устный дискурс). Развивающийся прагматический подход помог выявить интерактивную природу юридической коммуникации.

Термин «юридический дискурс» позволяет отразить специфическую взаимосвязь между правом, его функциями, субъектами и окружающим юридическим контекстом, с одной стороны, и использованием языка, функций юридических текстов и окружающим социокультурным контекстом, с другой стороны. Юридический дискурс как социальное явление отличается специфическим содержанием. Как пишут Ленобль и Ост, «legality would be nothing if it were not supported by a network of

institutions, a tradition of ideas which always encloses and delineates the domain within which legal discourse can exercise its textual power» [Lenoble, Ost, p. 83].

Примечания

¹ Cp. *Mellinkoff David*. Language of the Law (Little, Brown and Company Boston 1963); *William M. O'Barr*. Linguistic Evidence: Language, Power and Strategy in the Courtroom. L.; N. Y., 1982.

² Напр.: *Goodrich Peter*. Legal Discourse. Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L., 1987.

³ См. также: *Gadamer H.-G*. Wahrheit und Methode. J.C.B. Mohr Tübingen 1975: 4th edition.

⁴ Детальное описание см. в следующих работах: *McLeod, Ian*. «Legal Method» (L., 1993), p. 211–273; *Busse, Dietrich*. Recht als Text: Linguistische Untersuchungen zur Arbeit mit Sprache in einer gesellschaftlichen Institution. Niemeyer Tübingen, 1992. P. 13–30.

⁵ См., напр.: *Lewison, Kim*. The Interpretation of Contracts. L., 1987. P. 1–7.

⁶ Подробнее см.: *Woleński, Jan*. Z zagadnień analitycznej filozofii prawa. Uniwersytet Jagielloński Kraków; Warszawa: PWN 1980, esp. Chapter 2; *Wright, G.H. von*. Analytische Philosophie. Eine historisch-kritisch Betrachtung. 1992. 23 Rechtstheorie, p. 3–25.

⁷ Эмилио Бетти разграничил когнитивную, нормативную и когнитивную герменевтику в работе «Teoria generale della interpretazione» (Milan Istituto di Teoria della Interpretazione, 1955).

⁸ Cp. *Gadamer H.-G*. Wahrheit und Methode. 1975. S. 293.

Литература

Arnio A. Outline of a hermeneutic approach in legal theory // Philosophical Perspectives in Jurisprudence, Acta Philosophica Fennica. Helsinki, 1983. Vol. 36.

Chauvin T., Stawiecki T., Winczorek P. Wstęp do prawoznawstwa : 5th ed. Warszawa, 2009.

Eliot T.S. Szkice krytyczne. Warszawa, 1972.

Engberg J. Does routine formulation change meaning? – The impact of genre on word semantics in the legal domain // Language, Text, and Knowledge: Mental Models of Expert Communication. Berlin; New York, 2000.

Goodrich P. Legal Discourse. Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis, 1987.

Grabowski A. Judicial Argumentation and Pragmatics. A Study on the Extension of the Theory of Legal Argumentation. Kraków, 1999.

Hart H.L.A. Positivism and the separation of law and morals // Harvard Law Review, 1958.

Joseph J. E. Indeterminacy, Translation and the Law // Translation and the Law. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Kaufmann A. Problemgeschichte der Rechtsphilosophie // *Kaufmann A., Hassemer W*. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. Heidelberg, 1985.

Kevelson K. The Law as a System of Signs. N. Y.; L., 1988.

Lenoble J., Ost F. Droit, Mythe et Raison. Bruxelles, 1980.

Sarkowicz R. Poziomowa interpretacja tekstu prawnego. Kraków, 1995.

Stelmach J. Współczesna filozofia interpretacji prawniczej. Kraków, 1999.

Vanderlinden J. Comparer les droits // Story-Scientia. Bruxelles, 1995.

Wróblewski J. Zasady tworzenia prawa. Łódź, 1979.

Zirk-Sadowski M. Rozumienie ocen w języku prawnym. Łódź, 1984.